

П. И. КОВАЛЕВСКИЙ И М. О. МЕНЬШИКОВ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

П. Б. Стукалов

Воронежский государственный университет

В данной статье рассмотрены взгляды теоретиков умеренно — правой партии Всероссийский национальный союз П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, связанные с их оценкой основных тенденций и характеристик русского исторического процесса. В центре внимания работы находится отношение теоретиков ВНС как к отдельным историческим событиям русской истории, так и к различным ее периодам. Подчеркивается большое практическое значение данного аспекта воззрений идеологов ВНС в контексте всей их общественно-политической концепции взглядов.

В современной научной мысли отчетливо наблюдается рост исследовательского интереса к проблемам, связанным с анализом различных аспектов правого общественного движения Российской империи начала XX вв. В этой связи изучаются идейные доктрины и практические установки “черносотенных” организаций, публикуются официальные партийные документы, делаются выводы о месте и значении крайне правых в общественной жизни страны. При этом идеология и деятельность умеренно-правых изучена гораздо слабее — историки только приступают к исследованию сложных аспектов их идеологических концепций и практических установок. В связи с вышесказанным в центре внимания данной работы находится отдельный аспект воззрений теоретиков умеренно-правой партии начала XX века Всероссийского национального союза П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, связанный с их оценкой русского исторического процесса.

Представления об истории России, безусловно, имели особое значение в структуре общей концепции взглядов П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова. Важность данной проблематики объяснялась, прежде всего, тем обстоятельством, что анализ идеологами национализма различных исторических событий и фактов русской истории давал в итоге непосредственное представление о направленности всей их общественно-политической концепции, формировал их исходные теоретические и практические установки. Другими словами, отношение теоретиков национализма к русскому историческому прошлому преследовало цель обосновать актуальность и практическую ценность их общественно-политических воззрений. Именно по этой причине согласимся с мнением Д. А. Коцюбинского, что отношение русских националистов

к истории русского народа было предельно политизированным и сфокусированным на тех проблемах, которые казались им актуальными¹. Так, например, П. И. Ковалевский, говоря о конкретных событиях русской истории, оценивая основные тенденции ее развития, всецело стремился доказать важнейшее значение народности, единодержавия, православия и самодержавия (главных элементов собственной общественно-политической доктрины) в качестве органических основ русской государственности. В связи с данным замечанием неудивительным является и тот факт, что в центре внимания рассуждений П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова находились проблемы, связанные с историей русской государственности, аспекты политического развития, в то время как проблемам социально-экономической истории уделялось несравненно меньше внимания. При этом получали оценку, во-первых, отдельные исторические события, политические шаги русских самодержцев, во-вторых, отслеживались магистральные тенденции развития русской государственности в рамках отдельных хронологически ограниченных периодов, в-третьих, достаточно большое место в структуре взглядов националистов занимали историко-софские рассуждения, в рамках которых высказывались мысли по поводу основных детерминант русского исторического процесса, раскрывались его главнейшие особенности и черты. Особое место в воззрениях П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова занимал вопрос о причинах структурного кризиса русского государства, поразившего его в конце XIX начале XX вв. и приведшего к революции. Наконец, следует заметить и тот удивительный, с одной стороны, факт, что, будучи теоретиками ВНС, П. И. Ковалевский, а в особенности М. О. Меньшиков в целом весьма критически под-

¹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия М. РОССПЭН. 2001. С. 132.

ходили к оценке русской истории, зачастую делая весьма пессимистические прогнозы относительно перспектив ее развития. Таким образом, с одной стороны, объективная необходимость концентрировать свое внимание на героических страницах русской истории, отдавать должное историческому прошлому страны, следуя своему призванию идеологов русского национализма, а с другой — невозможность игнорировать неутешительные исторические реалии составляли, пожалуй, центральное противоречие всей концепции понимания русской истории, придавая их взглядам зачастую излишнюю эмоциональность и противоречивость.

Обращаясь к анализу русского исторического процесса, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков в первую очередь не обошли вниманием принципиальный и сложный вопрос о его исходных детерминантах, определив факторы, прямо влияющие на его характер и направленность. В этом отношении теоретики русского национализма, с одной стороны, выступили продолжателями отечественной традиции общественной мысли, а с другой — выразили собственное своеобразное понимание данной проблематики. Так, в общем согласившись с принятым в исторической науке и общественной мысли того времени тезисом о многофакторной обусловленности русского исторического процесса, идеологи национализма выдвинули следующий ее перечень, выстраивая иерархию в порядке наибольшего значения. Так, по их мнению, главнейшее влияние на русскую историю оказали специфические географические условия, в которых формировалась русская государственность, а также особенности русского национального характера. М. О. Меньшиков посвятил данному вопросу целую серию специальных статей, в которых подчеркивал, что обширные пространства, на которых создавалось русское государство, крайне отрицательно повлияли на ее развитие, поскольку в таких условиях отсутствовала возможность создать цельное концентрированное «общественное ядро, а, наоборот, происходило своеобразное «распыление» общественных и производительных сил, что, наряду с неблагоприятными климатическими условиями, существенно замедляло темпы социально-экономического развития страны. Кроме того, обширность территории стала причиной постоянных военных столкновений коренного русского населения с ордами завоевателей, что также делало фактически невозможным процесс эволюционирования государства, создавая постоянную угрозу самому его существованию. Таким образом, по

Меньшикову, географическая среда влияет на русскую историю сугубо отрицательно. В этой связи характерно следующее его высказывание: «К глубокому сожалению, география наша с искони веков заедала историю, и в этом заключается основная драма нашего племени»². В похожем ключе, еще более абсолютизируя воздействие данного фактора на русскую историю, мыслил и П. И. Ковалевский. Оценивая подобный крайний географический детерминизм теоретиков ВНС, можно представить, что мысль о существовании значительных трудностей, в условиях которых происходило развитие русского исторического процесса, М. О. Меньшиков и П. И. Ковалевский формулировали сознательно, с целью демонстрации высшей степени подвига русского народа, создавшего вопреки объективным условиям величайшую в мире государственность.

Вторым главнейшим фактором детерминации русского исторического процесса националисты, как уже было сказано, считали особенности русского национального характера. Характер воздействия подобной детерминанты, по мнению русских националистов, прямо зависел от степени выраженности в различные временные периоды двух основополагающих, противоречивых свойств русской нации — государственного инстинкта и анархического начала. Именно эти черты, по мысли теоретиков русского национализма, и определяли в итоге характер русской общественности. Для П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова в этой связи успехи или неудачи, конкретное содержание отдельного исторического периода прямо зависели от того, в каком сочетании проявляются эти национальные характеристики русских. При этом зачастую совершенно безосновательно игнорировались разного рода аспекты социально-экономического и политического характера, что придавало концепции теоретиков ВНС однобокость и уязвимость.

Основываясь на подобных представлениях о факторах детерминации русского исторического процесса, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков делали выводы относительно его «универсальных» характеристик. Стоит заметить, что в понимании данных вопросов теоретики национализма начала XX века демонстрировали практически полную солидарность. На выработку подобной однородной позиции существенно повлияли теоретические размышления по данным вопросам М. О. Меньши-

² См: Меньшиков М.О. Ценз помазания // М. О. Меньшиков. Письма к ближним. 1913. — С. 121—125 // www.russdom.ru/mom/index.html.

кова. Для публициста “Нового времени” в этой связи был свойственен сугубо пессимистический взгляд в отношении как характерных черт русского прошлого, так и, в известной степени, относительно будущего исторического развития страны. Так, основной характеристикой русской истории с начала петербургского периода (начало XVIII в.) теоретик национализма считал не иначе как последовательно прогрессирующую измену со стороны государственной власти собственной нации и русской органической традиции. Подобного рода процесс сопровождался, по Меньшикову, постепенным разложением государственных форм, структурным кризисом, охватившим все сферы русского общества и приведшим в итоге к трагедии первой русской революции. Непосредственным показателем отхода русского государства с течением времени от собственных органических форм развития для М. О. Меньшикова, как и для большинства других теоретиков русского национализма начала XX века, являлось развитие самой опасной общественной болезни — бюрократизма. Оценивая таким образом основную тенденцию русской истории, публицист “Нового времени” отмечал: “Вся история России за двести лет состоит из двух процессов: с одной стороны, никнет народ и все большие затруднения испытывает власть, с другой — страшно множится и процветает дворянская бюрократия”³.

Второй сугубо негативной чертой русского исторического процесса М. О. Меньшиков называл отсутствие линейного прогрессивного развития общества в соответствии с западными стандартами и по образцу западных держав. История России представлялась публицисту в этой связи в виде извилистой, обрывающейся линии, и направление ее определялось не какими-то прочными и предсказуемыми тенденциями, а сиюминутной конъюнктурой борьбы с деструктивным анархическим началом и смутой. Именно в наличии действия такого рода непредсказуемой анархической силы теоретик русского национализма и видел еще одну главную особенность исторического процесса. “Что-то анархическое заложено во всем задании нашей судьбы”⁴, — писал публицист. По его мнению, в данном отношении для русской истории была характерна “затяжная анархия и осталось, прямо беспримерная во всем культурном свете”⁵.

³ Меньшиков М. О. Суть славянофильства // Новое время от 12 июля 1905 г.

⁴ Меньшиков М. О. Все против всех // Новое время от 2 сентября 1905 г.

⁵ Там же.

Еще одной отрицательной характеристикой русской истории являлось по М. О. Меньшикову, наличие сложившегося неправильного баланса общественных сил, вследствие которого в стране установился политический режим, препятствующий свободному национальному развитию, становлению гражданского общества, утверждающий рабство и общественное бездействие. По мнению публициста, со времен Петра I “Россия непрерывно колеблется между тиранией и свободой”⁶, что и явилось в итоге причиной глобального социального катаклизма. С другой стороны, чрезмерная роль государства в лице самодержца, по мнению М. О. Меньшикова, в конечном итоге явилась непосредственной причиной и прогрессирующего нравственно-духовного упадка населения, подорвав влияние церкви⁷. Подобного рода наблюдения относительно общих характеристик русского исторического процесса нередко провоцировали публициста “Нового времени” на яркие, эмоционально окрашенные высказывания: “Вся история России (начиная с петровской эпохи — П. С.) принимала дикие, странные формы. Силы настоящей не было, но было рабство, было сколько угодно грабежа, террора. Настоящая, доподлинная Россия ходит в истертом пиджаке с европейской прокламацией в кармане, купленной за медный пятак”⁸.

П. И. Ковалевский, обращаясь к оценке магистральных характеристик русской истории, в целом соглашался с мнением М. О. Меньшикова, однако являлся менее радикальным в выводах, демонстрируя более оптимистичный взгляд в отношении исторических перспектив развития русской нации. В качестве наиважнейшей характеристики русского исторического процесса П. И. Ковалевский выделял особый характер направленности вектора ее развития. Так, размышляя в рамках обширной исторической и общественной традиций, мыслитель также указывал на особую роль русской государственности в лице самодержцев. Это обстоятельство и обеспечивало эволюционное развитие нации на протяжении длительного периода времени. Таким образом, направленность импульса развития русской общественности, по мнению ученого, существенно отличалась от западноевропейской: “У нас от начала государственного бытия

⁶ Там же.

⁷ Подробнее см: Меньшиков М. О. Борьба стилей // Меньшиков М. О. Письма к ближним. 1916. С. 44. Он же: Уроки прошлого // Новое время от 21 августа 1912. Он же: В чем мудрость предков? // Новое время от 28 августа 1912 г.

⁸ Меньшиков М. О. Дни раскаяния // Новое время от 1 апреля 1907 г.

России и до сего дня все великие народные перевороты шли не снизу вверх, а сверху вниз — не от народа к верховной власти, а от верховной власти к народу”⁹.

Как видим, для теоретиков русского национализма при понимании основных характеристик русского исторического процесса были свойственны утверждения, во-первых, о “нисходящей” со времени правления Петра I его тенденции — от лучших национальных образцов общественности к худшим — антинациональным, а во-вторых, о чрезмерно высокой роли государственной власти, чье влияние на исторический процесс оценивалось далеко неоднозначно. При этом подобные мысли, сформулированные М. О. Меньшиковым и П. И. Ковалевским, несмотря на наличие в их позиции определенных противоречий, составляли основное смысловое ядро всей публицистики и других теоретиков русского национализма. Стоит также заметить, что утверждения о наличии преимущественно негативной тенденции в развитии русского исторического процесса, с одной стороны, имели в значительной степени конъюнктурный характер, так как должны были, как представляется, в конечном итоге послужить в практическом смысле прямым руководством к действию как правительству, так и русской общественности, стать необходимой предпосылкой к активному реформированию. С другой стороны, думается, что некоторые высказывания идеологов ВНС в данном отношении, в частности М. О. Меньшикова, выглядели во многом недопустимо радикальными и безосновательно драматизировали ситуацию, что явилось прямым следствием как отсутствия применения научного подхода к оценке исторических событий, так и прямого стремления Ковалевского и Меньшикова найти в русском прошлом истоки трагедии настоящего им времени.

Русских националистов волновала и актуальная проблема характера соотношения русской и западной цивилизации. Попытка найти в данном вопросе некую “срединную” позицию была сделана, однако, как представляется, в итоге выдвинуть западничеству и славянофильству четко выстроенную концепцию “третьего взгляда” по данной проблематике не удалось. Несмотря на то, что между П. И. Ковалевским и М. О. Меньшиковым в данных вопросах в теории существовали лишь незначительные расхождения, на практике дело обстояло гораздо сложнее. Заявляя, что Россия в

общем и целом “запрограммирована” на развитие по законам, общим с Западом, сохраняя при этом известное своеобразие в прохождении отдельных стадий, теоретики национализма сталкивались с ощутимыми трудностями. Главные проблемы при этом появлялись, во-первых, при выявлении критериев “фильтрации” нужных и ненужных западных заимствований, а во-вторых, при определении конкретного механизма их практической реализации в условиях русской действительности. При обсуждении этих вопросов русскими националистами, в особенности на поздних этапах развития партийного движения, возникали острые противоречия.

Особый интерес представляют также оценки теоретиков русского национализма начала XX века конкретных периодов и событий отечественной истории. Так, относительно общей характеристики периода Киевской Руси в контексте русского исторического процесса оба рассматриваемых теоретика национализма были в принципе солидарны, идеализировав данный исторический период, называя его золотым веком русского национализма, временем постепенного развития органических начал под воздействием правильных естественных законов. Период Киевской Руси приобретал в настроениях русских националистов в данной связи некий романтический ореол, несмотря даже на отсутствие в это время, по их мнению, четко организованного централизованного и сильного государства. Для подтверждения подобной позиции приведем высказывание М. О. Меньшикова: “Тысячу лет назад, начиная с Олега Вещего и Ольги, мы уже имели богатырскую государственность, победоносную, одинаково грозную внутри и вне страны. Тысячу лет назад мы имели племя богатырей, имена которых, окруженные волшебным смыслом, до сих пор народом не забыты”¹⁰.

Неоднозначно воспринималось теоретиками национализма татаро-монгольское иго. Представление об этой эпохе в наиболее четком виде сформулировал П. И. Ковалевский, с позицией которого по данному вопросу в основном соглашались и другие идеологи националистической ориентации. Мыслитель, опираясь на историографическую традицию, связанную с именами Н. М. Карамзина, Д. И. Иловайского, при этом демонстрировал комплексный подход в оценке данного события. Так, с одной стороны, П. И. Ковалевский утверждал,

⁹ Ковалевский П.И. Основы русского национализма. СПб. Тип. М. И. Акинфиева. 1912. С. 15.

¹⁰ Меньшиков М.О. Народное мужество // М. О. Меньшиков. Национальная империя. М.: Имперская традиция. 2004. С. 273.

что татаро-монгольское иго “доконало все”, означало собой страшную смуту, обернувшуюся в итоге трагедией уничтожения первого русского государства. Кроме того, татаро-монгольское владычество отрицательно повлияло и на черты русского национального характера, изменив их в худшую сторону. Так, под его воздействием у русских, по мысли П. И. Ковалевского, было уничтожено национальное сознание, им привилась рабская психология и политическая индифферентность, сыгравшие негативную роль в дальнейшем развитии русского исторического процесса. С другой стороны, опираясь в своих рассуждениях на воззрения, прежде всего, В. О. Ключевского, П. И. Ковалевский утверждал, что, благодаря незначительному влиянию захватчиков на главные составляющие русской государственности, а также на институт православной церкви, определяющей весь внутрибытовой уклад жизни населения, и “дистанционное” управление землями посредством русских князей, Россия не только получила возможность, “минимизировав” последствия чужеродного завоевания, продолжить самобытное развитие, развивая собственные потенции, правда, в условиях значительной отсталости от Запада, но и создать предпосылки для организации процесса “собирания” земель в рамках единого государства. Таким образом, П. И. Ковалевский, оценивая татаро-монгольское завоевание далеко неоднозначно, писал: “Надвигалось татарское иго. Оно нас погубило, оно нас и спасло. Татарское иго — погибель России, ее разорение. Но иго и спасение России. Татары брали тело и не трогали души. Татарам нужна была дань, и они ее брали. Но вместе с тем они не мешали русским жить свободной жизнью. Теперь русские осознали свою беду, свое разъединение. Они увидели, что спасение России в объединении всех частей в одно целое”¹¹.

Кроме того, теоретики русского национализма обращали внимание и на то, что сам факт иностранного завоевания спровоцировал особый национально-патриотический подъем у населения, вследствие чего появились истинные национальные герои, ведущие ожесточенную борьбу с захватчиками на благо отечества. В этой связи П. И. Ковалевский особое внимание обращал на политику таких князей этого периода, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Даниил Галицкий, усматривая в них образцы настоящих национальных правителей, достойных подражания. Наконец, стоит, на наш взгляд, отметить еще один момент в

оценке влияния татаро-монгольского ига. Оба теоретика национализма полагали, что татарское владычество существенно повлияло на характер государственной власти, окончательно уничтожив возможность сколько-нибудь значительного участия в ее практической реализации представителей народа в рамках особого представительного органа. Таким образом, русские националисты утверждали, что под воздействием политики иностранных завоевателей возникли предпосылки к организации новой самодержавной модели власти, которая и была создана во времена Московской Руси. Знаменательно, что отношение к этому факту теоретиков русского национализма было разным. Так, если М. О. Меншиков относился к этому сугубо отрицательно, то П. И. Ковалевский видел в данном обстоятельстве единственный правильный рецепт организации власти, позволивший создать впоследствии величайшее государство в мире.

Московский период истории России получил достаточно неоднозначное освещение в трудах теоретиков русского национализма. В этом смысле этот отрезок времени, с одной стороны, становился в их представлении апогеем органического национального развития русской государственности, но, с другой — налицо обнаруживались отрицательные тенденции, которые идеологи национализма неминуемо обязаны были проанализировать. В первую очередь П. И. Ковалевским и М. О. Меншиковым декларировался тот факт, что в данный период русская нация в своем самобытном развитии достигла своего расцвета. Доказательствами тому, по их мнению, являлось, во-первых, наличие в это время прочного национального государственного единства, что находило прямое выражение в отсутствии какого-либо антагонизма внутри нации. Во-вторых, существование высокого уровня нравственности, что выражалось в присутствии особых культов чести, рыцарства и православной духовности, которым безотчетно следовали все представители русской нации¹². В-третьих, подчеркивалось, что в этот период действовали органические природные законы социального отбора, прямо влияющие на физическое и духовное здоровье нации, формирующие правильные формы ответственности.¹³ Однако, как было указано, теоретики национализма рассматривали период московского государства и с другой точки зрения и в том случае были далеки от его идеализации. Данный угол

¹² См: Меншиков М.О. Письма к ближним // Новое время от 6 сентября 1909 г.

¹³ См: Меншиков М.О. Письма к ближним // Новое время от 19 июля 1909 г.

¹¹ Там же.

зрения определялся, во-первых, анализом положения России в соотношении с цивилизованным миром, а точнее, относительно западной цивилизации, а во-вторых, характеристикой политической системы русского государства. При такой характеристике развития русской государственности в Московский период идеологи национализма приходили к совершенно неутешительным выводам. П. И. Ковалевский, проводя сравнительный анализ развития Руси и Западной Европы, в этой связи пришел к заключению о структурной отсталости первой. В данном отношении мыслитель прямо сравнивал Московскую Русь с Древним Китаем, совершенно безосновательно гордящимся своей замкнутостью. По мысли как П. И. Ковалевского так и М. О. Меньшикова, данная «китайская» болезнь становилась вдвойне опасным фактором внутривосточного развития, поскольку не только культивировала приверженность к отсталым анахроничным национальным формам, но и приводила к извращенному развитию национализма, проходящему эволюцию от уважения самобытной традиции к откровенным формам ксенофобии. Так как, с точки зрения мыслителей, изолированное развитие национализма было невозможно без соотнесения его с прогрессивными заимствованиями, то ими в данной связи обосновывалась настоятельная необходимость радикальных преобразований в духе Петра I. Таким образом, общее отношение теоретиков русского национализма к историческому периоду существования Московского государства сводилось, с одной стороны, к его идеализации, а с другой — к обоснованию стратегии ограниченного реформирования некоторых сторон общественной жизни, в частности системы государственного управления.

XVII век П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков склонны были рассматривать в качестве некоего переходного периода, во время которого, с одной стороны, получили логическое завершение тенденции развития русской государственности, заложенные в московский период, а с другой — создавались предпосылки для масштабного реформирования общества, проведенного впоследствии Петром Великим. М. О. Меньшиков в этой связи обращал внимание также и на тот факт, что во время правления первых Романовых создавалась некая альтернатива стратегии преобразований Петра. В лице Алексея Михайловича публицист видел самодержца, способного решить, пожалуй, главную задачу будущих реформ — изменить существующую форму государственного управления путем включения

в нее народного представительства по образцу Земских соборов — традиционно русского совещательного органа власти. Однако та умеренная стратегия реформ с опорой на традиционные органические национальные начала, в наибольшей степени, по мнению теоретиков национализма, отвечающая интересам русского государства, в итоге так и не была реализована. Как видно из их дальнейших рассуждений по поводу оценки петровских реформ, именно в этом националисты видели основную драму русского исторического процесса.

Аспекты, связанные с оценкой петровских реформ, в этой связи занимали одно из главных мест во всей концепции понимания русской истории, выдвинутой теоретиками ВНС. Отношение их к проблемам петровских преобразований, по нашему мнению, следует рассматривать не иначе как в срезе постановки неоднозначных по своим оценкам сюжетам. В этой связи П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков констатировали, во-первых, наличие противоречивой дихотомии первоначального замысла и реального воплощения петровских преобразований. Так, с одной стороны, подчеркивались правильность и необходимость петровского реформирования государства, а также, следуя историографической традиции, идущей от Ключевского и Платонова, и его объективная неизбежность, но, с другой — однозначно отрицательно оценивалась «революционная стратегия»¹⁴ практического воплощения замысла реформ. Во-вторых, теоретиками русского национализма ставилась проблема, связанная с границами преобразований, иначе вопрос о заимствованиях. По их мнению, объективная историческая необходимость, с одной стороны, как уже было указано, требовала отказа от некоторых анахронических элементов прежнего общественного порядка, уничтожения изоляции Московской Руси ради осуществления стратегии прогрессивного позднейшего развития. Именно поэтому создание Петром «окна в Европу» оценивалось П. И. Ковалевским и М. О. Меньшиковым, как и другими русскими националистами в том числе и позднейшего периода, исключительно положительно¹⁵. Однако, с другой стороны, по мнению мыслителей, исторический момент, в рам-

¹⁴ Данный термин введен в научный оборот С. М. Соловьевым.

¹⁵ Для примера см: Памяти императора Александра III. Сборник «Московских ведомостей». Издание Петровского М.: 1894. С. 286; Ильин И.А. Опасности и задания русского национализма // http://www.patriotica.ru/religion/ilin_nat_sm.html; Холмогоров Е. Русский националист М.: Европа. 2006 С. 188—189.

ках которого действовал Петр, не позволял прибегнуть к широкой ломке старой общественной системы, к чрезмерным западным заимствованиям, на практике им осуществленным. Таким образом, отношение теоретиков русских национализма начала XX в. к петровским реформам в наибольшей степени, по нашему мнению, продемонстрировало их стремление выразить срединную в сравнении с западниками и славянофилами, наиболее взвешенную точку зрения, обосновавшую в своем практическом приложении политические принципы консервативного реформизма.

Рассматривая дальнейшее развитие исторического процесса в рамках петербургского периода, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков склонялись к отрицательной его оценке, считая, что негативные последствия петровских реформ продолжали оказывать сугубо деструктивное влияние на его ход. Примечательно, что подобного рода позиция во многом соприкасалась с позицией правых, а также левых общественных сил. Другое дело, что причины такого отношения к данному периоду у них были разные. Если крайне правые в основном критиковали политику самодержавия в рамках петербургского периода, усматривая в ней упадок традиционной системы государственного управления, а левых не устраивала откровенно реакционная, по их мнению, политика царского режима, то для умеренно правых теоретиков ВНС налицо было ощущение разрушения русского национального единства, измена интересам нации, ее деградация, усиление влияние инородцев во всех сферах общественной жизни, что создавало объективную угрозу самому существованию русской государственности. Еще одной узловым проблемой, органически связанной с развитием России на протяжении длительного периода времени и получившей свое разрешение в середине XIX в., являлись вопросы, связанные с существованием крепостного права. Учитывая, с одной стороны, важность, а с другой — объективную неоднозначность данной проблематики в контексте судеб русской государственности, П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков, естественно, не могли не выразить собственного отношения к данному феномену общественной жизни. Для публициста «Нового времени» крепостное право представляло собой, прежде всего, особую традиционнорусскую социально-экономическую форму общезжития, которая оценивалась им исключительно положительно. Стоит заметить, что подобный вывод, даже среди других теоретиков русского национализма, не выглядел бесспорным. Так, П. И.

Ковалевский, хотя и не дал собственного определения этому феномену, представлял его скорее не как органичный национальный строй, а как вынужденное, вызванное объективными условиями развития государственности установление, которого в идеале быть не должно. В вопросах, связанных с причинами возникновения крепостного права, теоретики русского национализма опирались на правую традицию общественной мысли, идущей от Н. М. Карамзина, основным постулатом представителей которой являлось утверждение об объективном характере его установления. При этом обращалось внимание, в первую очередь, на существующее для этого социально-экономические предпосылки. В этой связи М. О. Меньшиков утверждал, что крепостное право явилось естественным следствием обеспечения взимания долгов с экономических аутсайдеров. Кроме того, крепостное состояние способствовало, по его мнению, выработке правильной трудовой культуры, созданию оседлого производительного быта, взамен прежнего анархического полукочевого, а следовательно, выглядело прогрессивным явлением, способствуя поступательному развитию русской государственности. П. И. Ковалевского, правда, подобного рода схема мало удовлетворяла. Для него в этом смысле был очевиден тот факт, что крепостное состояние во многом стало следствием как увеличения запросов дружинников князя, все более превращающихся в паразитический общественный слой, существующий благодаря крестьянству, так и политики государственной власти, защищающей интересы кормленщиков¹⁶. Во-вторых, возникновение крепостного состояния прямо связывалось с негативными условиями, детерминирующими особенности развития русской государственности. В этой связи П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков утверждали, что вследствие постоянной внешней угрозы и разорений свободные смерды вынуждены были затрачивать колоссальный объем энергии для восстановления народного хозяйства, а постоянный напряженный труд в итоге формировал рабскую психологию, что постепенно вело к их закреплению. В этом смысле последней каплей, значительно ускоряющей данный процесс, стало монголо-татарское нашествие и установившееся иноземное иго. Итак, как видим, теоретики русского национализма рассматривали феномен крепостного права не в качестве специфичных двусторонних отноше-

¹⁶ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России // Ковалевский П. И. Психология русской нации. Воспитание молодежи. Александр III — царь националист. М.: Граница. 2005. С. 103—104.

ний крепостного крестьянина, с одной стороны, а помещика — с другой, а склонны были видеть в нем особый масштабный объективно обусловленный феномен русской общественной жизни. К политическому акту 19 февраля 1861 г. М. О. Меньшиков и П. И. Ковалевский, как и другие русские националисты отнеслись в целом положительно, хотя и здесь имели место быть некоторые оговорки. Теоретики национализма в этой связи в значительной степени дифференцированно подходили к данной проблематике. Так, в отмене крепостной зависимости они видели, с одной стороны, необходимый политический ход, открывший потенциал для развития гражданского общества, а за ним и национализма, а с другой — безальтернативный слом привычного уклада общественной жизни. Кроме того, М. О. Меньшиковым и П. И. Ковалевским подчеркивалась мысль о том, что хотя и реформа 1861 г. была обусловлена всем предшествующим ходом исторического развития, правительство могло с помощью нее минимизировать отрицательные последствия объективного переходного периода, чего не было сделано. Исходя из такого рода посылок, теоретики русского национализма в вопросах необходимости отмены крепостного права в целом занимали позицию, как представляется, схожую с мнением императора Николая I — подчеркивали, что крепостное право к середине XIX века представляло собой зло, но правительство, разрушив его, не проведя специальной подготовки, допустило зло еще большее. Представляется также, что в данном контексте и П. И. Ковалевский, и в особенности М. О. Меньшиков во многом идеализировали этот социально-экономический строй с позиции наличия в нем крепкой трудовой и общественной дисциплины, но глубоко осуждали в связи с его противоречивостью принципы гражданского общества, что явилось лишним доказательством их антиисторического подхода. Идеологи русского национализма в своих работах обращались также и к анализу развития русского государства в рамках современного им периода начала XX в. При этом для них данный отрезок времени имел прямо судьбоносное значение для дальнейших перспектив развития русского государства, поскольку, с одной стороны, в это время достиг апогея и нашел свое прямое выражение структурный кризис русского общества, а с другой — исходя из результатов революции ярко проявились потенции, означающие начало совершенно нового периода русской истории. В этой связи П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков останавливались, во-первых, на всесторон-

ней характеристике причин и характера первой русской революции, а во-вторых, давали собственную оценку политического режима, установившегося после 17 октября 1905 г. Стоит заметить, что для них русская революция являлась вполне объективным явлением, имеющим немалое число глубинных причин и непосредственных предпосылок. По их мнению, данное событие в итоге было, прежде всего, вызвано упадком национальных начал и деградацией всех сфер общественной жизни. Вместе с тем, по мнению теоретиков русского национализма, существовали и конкретные предпосылки к возникновению революционного процесса, без влияния которых его можно было бы если не избежать, то передвинуть на более дальнюю историческую перспективу. В этой связи русскую революцию спровоцировала, прежде всего, проигранная война с Японией. Прежде чем обозначить оценку теоретиков национализма характера русской революции, стоит оговориться по поводу их отношения к феномену революции вообще. Революцию как явление общественной жизни они рассматривали в качестве некой своеобразной “встряски”, прямо необходимой для перехода нации к более прогрессивным формам развития, как средство отбрасывания отживших анахронизмов. В подобной оценке революционного процесса мыслители во многом ориентировались на созданный ими идеалистический образ западных буржуазных революций, которые, по их мнению, путем создания гражданского общества образовали и необходимый потенциал для развития национализма. С этой точки зрения любая революция, по мнению националистов, означала не радикальную смену отжившей социально-экономической формации и ее политической надстройки в духе марксизма, а лишь ограниченное изменение политических структур в сторону их демократизации, что сопровождалось дарованием всему населению страны политических прав и свобод. Таким образом, революция в строгом смысле воспринималась не как радикальное движение, имеющее своей главной целью уничтожение старого порядка во всех его проявлениях, а как феномен общественной жизни, преследующий цель его реформирования в прогрессивном направлении. При этом теоретики русского национализма выступили сторонниками некой “интеллигентной” стратегии революции, исключающей анархическое движение снизу, но целиком и полностью исчерпывающейся наличием строго продуманной реформистской инициативы, идущей сверху от правительства. Именно с таких позиций П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков

оценивали и первую русскую революцию, что позволяло им прийти к заключению о ее радикальном отличии от “истинных” западных революций. Таких отличий теоретики русского национализма выделяли, как минимум, четыре. Во-первых, констатировался тот факт, что русская революция представляла собой во многом неорганизованный инстинктивный протест широких слоев общества против старой общественно-политической системы, пронизанной бюрократическими изъятиями без существования какой-либо строго продуманной программы действий¹⁷. В данном виде русская революция являлась, в отличие от западных, “политически безграмотной”, а следовательно, не могла привести к какому-либо позитивному результату. Во-вторых, русский революционный процесс, по убеждениям националистов, изначально имел анархический характер и представлял собой беспорядочное движение простонародья во главе с инороднической революционной верхушкой,¹⁸ результатом чего стали ярко выраженные антигуманные и деструктивные его последствия. “В момент революционного движения 1905 г. простой народ действительно проявил и бесчеловечность, и жестокость, и разрушительность”¹⁹, — писал в этой связи П. И. Ковалевский. В-третьих, русская революция имела ярко выраженный антинациональный и инороднический характер.²⁰ Наконец, в-четвертых, констатировался и тот факт, что русская революция была бездарна и глупа в своем замысле, поскольку не имела в числе своих лидеров истинных политических талантов, способных исполнить главную революционную задачу — правильного переустройства государства с целью создания условий для поступательного развития национализма, уничтожала главные устои любых форм общественности — собственность и материальное богатство, наконец, была явно направлена на уничтожение русской государственности в целом.²¹ Подобного рода об-

стоятельства приводили русских националистов к заключению, о том что события 1905 г не являлись революцией в истинном значении данного слова, а следовательно, не могли быть оправданы с точки зрения объективной исторической логики. Таким образом, как видно из рассуждений П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова, их интерпретация революционных событий 1905—1907 гг. фактически копировала отношение к ним со стороны представителей крайне правой черносотенной общественной мысли. Однако в их позициях наблюдалось и некоторое принципиальное отличие, связанное с оценкой итогов революции. Так, теоретики русского национализма в этом вопросе приходили к весьма парадоксальному выводу о том, что русский анархический бунт все же во многом выполнил великую революционную миссию, создав необходимые предпосылки для поступательного развития русского государства. Такой подход к данной проблеме, как представляется, демонстрировал, с одной стороны, стремление русских националистов в этих вопросах занять некую компромиссную позицию, а с другой — наличие определенных сложностей в выработке последовательного мнения. В завершение анализа отношения теоретиков русского национализма к русскому историческому процессу, на наш взгляд, стоит констатировать следующее. Во-первых, еще раз подчеркнем, что данная часть воззрений русских националистов выполняла сугубо служебную роль и была предназначена для обоснования основных теоретических постулатов их общественно-политической доктрины. В этом смысле русские националисты определяли значение принципов национализма, единодержавия, православия и в известной степени, самодержавия в качестве непреложных исторических законов, на основе которых и должна была, по их мнению, базироваться русская государственность. Во-вторых, в анализе русского исторического прошлого ярко проявилось сходство теоретиков национализма с концепциями историков и консерваторов-государственников XIX века. Все они при анализе русской истории обращали внимание преимущественно на политическое развитие русского государства и отчетливо проявляли симпатии к созданию сильной гармонично выстроенной властной вертикали, способной проводить грамотную и последовательную политику. В-третьих, отметим и очевидное сходство националистов в своих взглядах на русский исторический процесс с воззрениями крайне правых. И для тех и для других был характерен ретроспективный взгляд на развитие

¹⁷ Меньшиков М.О. Неуважение к народу // Новое время от 21 сентября 1913 г.

¹⁸ Меньшиков М.О. Третья оппозиция // Новое время от 12 ноября 1913 г.

¹⁹ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб. 1912. С. 290.

²⁰ Там же. С. 255; Меньшиков М.О. Исполнины // М. О. Меньшиков Национальная империя. М.: Имперская традиция. 2004. С. 137.

²¹ См: Меньшиков М.О. Выше свободы // Меньшиков М. О. Письма к ближним. 1906. — С. 1227—1231; // www.russdom.ru/mom/index.html.; Он же. Плохая игра // М.О. Меньшиков. Национальная империя. М.: Имперская традиция. 2004. С. 43; Он же. Глупость террора // Меньшиков. Национальная империя. М.: Имперская традиция. 2004. С. 141—145.

русской истории, при котором главной ее особенностью объявлялся нисходящий характер ее развития, от древних периодов, которые подвергались идеализации, до современного им времени, исторический процесс в рамках которого подвергался последовательному критическому анализу. В данном отношении, представляется, просматривалось ярко выраженное типично консервативное мировоззрение идеологов ВНС. Наконец, самой главной особенностью данного аспекта воззрений П. И. Ковалевского и М. О. Меньшикова являлась, на наш взгляд, попытка найти некий “третий взгляд” на русскую историю, сочетая при этом идеи западников и славянофилов. Практически данная задача была ими не выполнена, поскольку представляла очевидную сложность. В этом отношении согласимся с выводом Д. А. Коцюбинского о том, что теоретики русского национализма пытались найти позитивное разрешение проблем, связанных с ана-

лизом русского исторического прошлого в рамках идейных систем, возникших на Западе, но с привлечением славянофильских схем, прямо их отрицающих. Все это приводило к объективным трудностям в создании необходимых для любой националистической доктрины мифов о “великой русской истории”, а значит, и к внутренней противоречивости теоретических доктрин, и фактической невозможности их практического применения.²² Как представляется, указанное противоречие в особо выпуклой форме обнаружилось в воззрениях П.И. Ковалевского и М.О. Меньшикова. В итоге это привело к тому, что официальная партийная позиция, в основном базировавшаяся на их воззрениях, стремилась нивелировать “узкие” места их доктрины, выработать более последовательный, но предельно упрощенный взгляд на данную проблематику.

²² Коцюбинский Д.А. Указ. соч. С. 147—148.